

ПРАЗДНИКА НЕ БЫЛО

**В ПАРИЖСКОМ ТЕАТРЕ ШАТЛЕ
ПОЯВИЛСЯ ВЫЗЫВАЮЩЕ СОВРЕМЕННАЯ
ВЕРСИЯ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»**

В 1984 году Адольф Древан и Кара-Эрнст Геррманн, немские режиссер и сценограф, поставили «Евгения Онегина» в берлинской «Опере Комикс». В 1989 году они сдавали этот спектакль для Фламандской оперы в Антверпена. Нынешней осенью состоялась парижская премьера на постановку «Онегина», премьеру, которую мы так долго ждали. Нам предстояла встреча с генеральным директором А. Пушкиным и П. Чайковским на знаменитой сцене, где в 1909 году С. Девиль прославил русскую оперу и русский балет. Театр Шатле, несомненно, транзит памятен о триумфальных выступлениях в его зале великих Ф. Шалляпа, А. Павловой, В. Миклинского, Т. Карсавины, М. Фоскина. И вот теперь мы с благоговением входим в этот исторический зал и с замирающим сердцем ждем начала спектакля.

Пре впервые узнал uncertain об этой постановке в журнале «Афиша». Чистота и искренность романтического астуления постановки оборотисты. В тот момент казалось, что Савену Бичкову — музыкальному руководителю постановки — удалось увлечь Оркестр Парижа в позитивный мир бесспорной партитуры. Но, как только открылся занавес, летний холодок разочарования стал разливаться зрелищной эмоциональной инстинктом. При всем уважении к маэстро С. Бичкову и его оркестру нельзя не высказать сожаления, что в парижской постановке «Евгений Онегин» музыка Чайковского оказалась не на первом плане. Ее часто заслоняют сценические решения, которые воспринимаются скорее ради новизны, чем во имя наиболее полного раскрытия драматургии. Единственной удачной и в высшей степени впечатляющей оказалась картина дуэта, где на пустой сцене царит густая серая мгла. Здесь нет традиционного снежного покрова. Мистическое море создано благодаря полупрозрачной сетке-перегородке на фоне, полупрозрачные линии и размытому освещению голубого задника. Вот тут-то, в этой совершенной монохромной мерцающей атмосфере, мы вдруг оказались невдалеке от волшебной музыки, нам, наконец, удалось почувствовать всю ее генеральность.

Подчас одна талантливая сдвигала сцену спасает спектакль. Не «Евгений Онегин» — это опера, в которой каждая картина может элегантно сверкать. И сверкает, причем в буквальный смысле: в Театре Шатле постановщики заливают сцену искусственным светом,

да так часто и в таком изобилии, что в пору надеяться темные очки. Спрятывается, зачем доблестно световая насыщенность! Вероятно, чтобы вот так своеобразно восполнить отсутствие многих деталей декора. Но почему их нет? А это алмаз современной театральной моды — оголить сцену, чтобы быть «ближе» к зрителю, не отвлекать его предметами формы. Что ж, в картине дуэта это удалось. Но строить на этой стилистической концепции спектакль — это, пожалуй, слишком жестоко по отношению к шедевру русского оперного искусства. Хотя в Париже не участвует великий и гениальный произведение Моцарта. В прошлом сезоне мы были свидетелями аналогичного эксперимента в Опере Бастини, где суперэстраградная сценография «Фиделио» Фейтля вызвала массовое недовольство.

В Театре Шатле такого не случилось. Здесь зритель более распекаем, не столь агрессивен. Да и постановщики «Евгения Онегина» в своем стремлении героев прошлого века представить чуть ли не нашими современниками все-таки коверкали дала «задний ход» и решили остановиться у порога века иллюзий. Им удалось создать в спектакле весьма своеобразную атмосферу, почти человеческую.

Несколько обособленно выглядит сценография картин, где Татьяна — пишет Онегину письмо. Холодная, жесткая обстановка ее комнаты создает ощущение, что героине помешали в огромную камеру или в вагону сумасшедшего дома. На сером дощатом полу стоит убогая железная кровать, зеркало, стул и стол, укрытые белыми чехлами. Белый цвет в этой картине является доминирующим: высокие стены, зеркалированные белым мрамором на двух больших окнах с мутными простыми рамами. Белый кушет; за окнами светится белый задник; на героине — длинный белый наряд. Среди этой белой, бездумной пустоты Татьяна могла бы ослепнуть нас своей безумной любовью, позней и романтизмом грез. Однако этого не происходит. В исполнении Нуссии Фоски крикливо, стройная Татьяна необычайно мимична, но недостаточно сильна эта талантливая певица возмущения публики чудесным голосом и яркой экспрессией, исполняя Оскаре в «Бале-маскараде» Верди с участием Луччио Паваротти. Партию Татьяны Фоски поет тихо без интонации — словно тридцать лет назад она русским языком.

У молодой итальянки — чудное сопрано, но она не всегда чувствует нюансы русского текста, очень сложного в эмоциональном плане. Русская певица, несомненно, смогла бы исполнить эту партию более тонко и возмужанно.

Известность обрести довольно трудно, но Дмитрию Хоростовскому это удалось. Его международная карьера складывается весьма успешно. В этом году у молодого певца запланированы выступления на многих престижных сценах — Лондон, Вена, Милан, Чикаго, Берлин, Нью-Йорк, Барселона, Франкфурт, Зальцбург... После недавнего сольного концерта в Париже Хоростовский поет Онегина в Шатле. Его герой хорош собой и внешне милостив, однако ему не хватает непринужденной эвфемности и блеска. Большой, роскошный голос сибирского певца воспринимается редчайшей нежно-бархатной окраской. Но психологически Онегин бесцветен.

Наил Шинкоф в партии Ленского — более экспрессивен. Несмотря на небольшой возраст, американский тенор создает правдивый образ. Александр Анисимов прекрасно поет партию Граммля, и зал провожает его овацией. Ольга в исполнении чешки Дагмары Паховой — слишком светлым и плохо воспитана. Замечательная английская певица Сара Вокер с теплым мещанским сопрано — очень достоверна в образе г-жи Лариной. Большое впечатление производит Ирина Арзипова. Богатый голос, убедительность образа книги доставляют публике несомненное наслаждение. Знаменитая певица, помимо вокального совершенства, поражает точностью драматического нюансов, выразительностью каждого жеста.

Участующий хор С.-Петербурга (руководителем — А. Казимиров и Н. Корнеев) заслуживает самых высоких похвал в сценах, где он поет. Но как неуклюже хор выглядит, когда танцует! По экономическим соображениям профессиональных певцов используют еще и в качестве хористов. Удручающее впечатление сцены балет уступил также примитивная, небрежная хореография Ганса-Дитера Шейбеля. Однообразные, монотонные движения полонеза, в котором хористы топчутся на пятках сцены, вместо, заветное звучание оркестра.

К.-Э. Геррманн, который в 1984 году замечательно оформил спектакль по Чехову «Три сестры», в сценографии «Евгения Онегина» не сумел достичь стилистического единства.

Отсутствие гармонии и упорное сценическое решение спектакля, несомненно, объединило его эмоциональную атмосферу и зрительское восприятие. Невольно повлеклось ощущение ограниченности, неосведомленности и даже лениности постановщиков.

Итак, премьера состоялась, но праздника она нам не подарила. В Париже просто появилась современная версия «Евгения Онегина», которая не способна претендовать на серьезную значимость. Конечно, очень обидно за оперу Чайковского, ибо постановщики не сумели раскрыть ее истинное богатство и красоту, ее русский романтизм и высокую духовность. Обидно также и за артистов из России. Их прекрасные вокальные возможности не смогли спасти постановку от налета посредственности.

Заканчивая этот очерк о премьере в Театре Шатле, хочется процитировать последнюю фразу Онегина: «Гло-зор! Тоска!». О, жалкий ирреальный мой! Однако после закрытия занавеса, который придуман весьма оригинально, публика не гудела и не шикала. Она долго аплодировала и особенно горячо русскому хору. Возгласили «Браво» для приветствия М. Арзиповой, А. Анисимова, Н. Шинкофа, в успех Н. Фоски был поистине триумфальным. Итальянская певица действительно была великолепна, но ее страсть и димизм все-таки больше подходят к патетическому трагизму Верди, чем в утонченному вирозу Чайковского. По мнению Ани Рей, музыкального обозревателя газеты «Мондо», «Ленский в исполнении американского тенора М. Шинкофа, артиста необычайного дарования, был малом, героем спектакля. Что касается самой постановки, то «Евгений Онегин» сегодня разочаровывает по сравнению с недавними днями премьеры в Театре Шатле оперы «Волшебная А. Берга, «Полонез» и «Маленькая К. Дебюсси» и «Казени Онегина».

Виктор ИГНАТОВ,
ПАРНИ.
● Татьяна (Нуссия Фоски) в Онегину (Дмитрий Хоростовский) в опере «Евгений Онегин».
● Сцена из спектакля.

